

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 2 (17)

2024

Д. И. Макаров

Аверинцев и пасхальная радость. О восприятии византийского христианства в некоторых поздних работах мыслителя

УДК 1(091):27-9+94(495)
DOI 10.47132/2588-0276_2024_2_36
EDN YSHYUG

Аннотация: В поздних статьях, вышедших на русском и английском языках, а также в монографии о Вяч. Иванове С. С. Аверинцев выделяет некоторые системообразующие черты византийского Православия — такие, как онтологизм, пасхальная радость, литургическое переживание радости и умиления, вызванное молитвенным переживанием Богородичного общения, центральное значение иконы, передающей человеческий Лик Господа Иисуса Христа. Также разбирается такой вводимый мыслителем в 90-е гг. концепт, как «христианская геополитика»; подобные мысли восходят к традиции византийской и европейской консервативной философии (Томас Карлейль, отчасти Феодор Метохит). Концепция Аверинцева, феноменологически тончайшим образом описывающая византийское благочестие изнутри, противопоставляется внешне-барочному описанию византийской религиозности у Х.-Г. Бека, ставящего акцент на проблеме византийского *воображаемого*. Подчеркивается преемственность Аверинцева по отношению к мысли Вяч. Иванова и Н. С. Трубецкого.

Ключевые слова: С. С. Аверинцев, Н. С. Трубецкой, Вяч. И. Иванов, Х.-Г. Бек, византийская православная религиозность, икона, пасхальная радость, Богородичное благочестие, человеческий Лик Бога, византийское воображаемое.

Об авторе: **Дмитрий Игоревич Макаров**

Доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН (Санкт-Петербург).

E-mail: dimitri.makarov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3902-6190>

Для цитирования: Макаров Д. И. Аверинцев и пасхальная радость. О восприятии византийского христианства в некоторых поздних работах мыслителя // Русско-Византийский вестник. 2024. № 2 (17). С. 36–45.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–18–00251 «Византийский Ренессанс: институциональные основания и теолого-метафизические истоки религиозно-политического дискурса второй половины XI–XV вв.» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, <https://rscf.ru/project/23-18-00251/>).

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2 (17)

2024

Dmitry I. Makarov

Averintsev and the Paschal Joy. On the Perception of Byzantine Christianity in Some Later Works of the Thinker

UDC 1(091):27-9+94(495)
DOI 10.47132/2588-0276_2024_2_36
EDN YSHYUG

Abstract: In some later articles of his, published in English and Russian, as well as in the monograph on Vjacheslav Ivanov, Sergei S. Averintsev has singled out some basic features of the Byzantine Orthodoxy, such as its ontological character, the Paschal joy, liturgical experience of rejoicing and deep tenderness, which used to be caused by the communication with the Holy Virgin in prayer, and the central meaning of icon, which transmits to us the human Face of our Lord Jesus Christ. We also analyze such Averintsev's concepts from the nineties of the 20th century, as "Christian geopolitics"; such-kind ruminations go back to the tradition of Byzantine and European conservative philosophy (Th. Carlyle, and – partially – Theodore Metochites). This Averintsev's conception, which phenomenologically describes in the most subtle way the Byzantine piety from within, is juxtaposed to the outer, Barock-like description of the Byzantine religiosity produced by Hans-Georg Beck, the great German scholar putting his emphasis upon the problem of the Byzantine *imaginary*. We underscore Averintsev's continuity in thought with Vjacheslav I. Ivanov and Nicholas S. Trubetzkoy.

Keywords: Sergei S. Averintsev, Nicholas S. Trubetzkoy, Vjacheslav I. Ivanov, Hans-Georg Beck, Byzantine Orthodox religiosity, icon, Paschal joy, the Marian piety, the human Face of God, the Byzantine imaginary.

About the author: **Dmitry Igorevich Makarov**

Dr. of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Senior research fellow of the Sociological institute of the Russian Academy of Sciences in St. Petersburg.

E-mail: dimitri.makarov@mail.ru.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3902-6190>

For citation: Makarov D. I. Averintsev and the Paschal Joy. On the Perception of Byzantine Christianity in Some Later Works of the Thinker. *Russian-Byzantine Herald*, 2024, no. 2 (17), pp. 36–45.

Funding: The study was made possible due to the grant of the Russian Science Foundation Nr. 23–18–00251 "Byzantine Renaissance: The Institutional Foundations and Theological-Metaphysical Origins of the Religio-Political Discourse from the Second Half of the Eleventh up to the Fifteenth Century" (The Federal Scientific Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, <https://rscf.ru/project/23-18-00251/>).

«Сергей Аверинцев (род. 1937, Москва) — заметная фигура в мире русской культуры»¹. С этой констатации начинается одна из рецензий итальянского ученого-иезуита о. Эдварда Фарруджи на вышедший в итальянском переводе в 1989 г. сборник статей и интервью Сергея Сергеевича «Злободневное и вечное. Современная Россия и европейская культура». Время вновь диктует нам актуальность этого сопоставления — на очередном историческом витке, тридцать лет спустя. Тем уместнее прислушаться к поздним статьям (и книге о Вяч. И. Иванове), включившим в себя размышления и соображения великого ученого, мыслителя, богослова и поэта, бывшего поистине (как и любимый им свящ. П. Флоренский) *pontifex*, «наводителем мостов» между различными культурами, на темы историко-культурные, духовные и уже потому — универсальные. В решении этих проблем Византия и сам дух византийского Православия оказываются в числе главных образцов-парадигм, исторических примеров и подспорий для памяти.

Один из наиболее интересных вопросов, которыми ознаменованы современные исследования русской философии, ставит о. Роберт Слезинский: не является ли православный энергетизм С. С. Хоружего (1941–2020) «воцерковленной версией» феноменологии Хайдеггера?² Тот же автор называет «феноменологом»³ и Соловьева 1890-х гг. (времени написания «Смысла любви»), хотя и берет данное определение в кавычки. В таком расширенном смысле (как утонченный анализ *феноменов*) учение С. С. Хоружего, несомненно, можно и нужно сближать с феноменологией — и то же справедливо по отношению к утонченному анализу православного *вкуса* и ведомого всем нам чувства пасхальной радости, а также космического значения Пасхи для Православия⁴, у Сергея Сергеевича Аверинцева (1937–2004)⁵. Хотя, на наш взгляд, у Аверинцева здесь в гораздо большей степени просматривается влияние не только о. Павла Флоренского (на которого он и ссылается в своей программной статье-докладе⁶), но и таких авторов, как Вяч. И. Иванов (1866–1949), глубоко Аверинцевым изучавшийся⁷, и Н. С. Трубецкой⁸. Восприятие культурно-исторических

¹ *Farruggia E. G., S. J. Recensione di: Averincev S. Cose attuali, Cose eterne. La Russia d'oggi e la cultura europea / trad. e note a cura di A. Vicini. Milano, 1989. (Quaderni di L'altra Europa) // ОСР. 1991. Vol. 57. P. 252.*

² *Slesinski R. Review of: Хоружий С. С. Диптих безмолвия. М., 1991 // ОСР. 1994. Vol. 60/1. P. 334.*

³ *Slesinski R. The Eternal Feminine, Androgyny, and the Meaning of Love in V. S. Solov'ev // ОСР. 2010. Vol. 76/2. P. 461.*

⁴ *Averintsev S. Some constant characteristics of Byzantine Orthodoxy // Byzantine Orthodoxies. Papers from the Thirty-sixth Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Durham, 23–25 March 2002 / Ed. A. Louth & A. Casiday. Bodmin, Cornwall: Ashgate, 2006. (Society for the Promotion of Byzantine Studies, Publications, 12.) P. 215, 225–227.*

⁵ Аверинцев выделяет как один из центральных мотивов византийской Богородичной гимнографии строчку из написанного св. Иоанном Дамаскиным (ок. 675–749) гимна-Богородична седальна по второй кафизме воскресной утрени восьмого гласа из Октоиха: «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь, слава Тебе (Εὐὲ σοὶ χαίρει, Κεχαρισμένῃ, πᾶσα ἡ κτίσις, δόξα σοι)» (*Averintsev S. Some constant characteristics... P. 222*). Напротив, как говорит св. Григорий Нисский († ок. 394), бесы *радуются* нашему богоотступничеству: «Итак, если бесам в радость (κεχαρισμένον ἔστι), когда человек отступит от Бога...» (*S. Gregorii Nysseni. Contra fatum // S. Gregorii Nysseni. Opera dogmatica minora. Pars II / Ed. J. K. Downing, J. A. McDonough, S. J., H. Hörner. Leiden; New York; København; Köln: Brill, 1987. P. 63.6–7*). Как видим, понятие радости в византийском Православии обладало максимально широким спектром значений; несомненно, что именно на этом фоне тем сильнее познается, чувствуется и переживается — подчеркиваемая и Аверинцевым — пасхальная радость. «Архитектуру символов», передающую это чувство, как и в случае симвонологии Вяч. И. Иванова, несомненно, «может воспринять только взгляд изнутри, не взгляд извне» (*Аверинцев С. С. Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб.: Алетейя, 2017. С. 125*).

⁶ *Averintsev S. Some constant characteristics... P. 215.*

⁷ *Аверинцев С. С. Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами...*

⁸ *Трубецкой Н. С. Vorlesungen über die altrussische Literatur // Его же. История. Культура. Язык / Сост., подгот. текста и коммент. В. М. Живова. М.: Прогресс-Универс, 1995. (Филологи*

характеристик Православия Аверинцевым⁹ будет также кратко сопоставлено с характеристикой веры византийцев (т.е. того же Православия) в едва ли не итоговой для Ханса-Георга Бекка (1910–1999) книге «Византийское тысячелетие» (1978) и — в самых общих чертах — с линией консервативной мысли Томаса Карлейля (1795–1881), во многом повлиявшего на Константина Леонтьева (1831–1891). Таким образом, мы постараемся хотя бы в минимальной степени способствовать расширению того русского и европейского контекста, в который осознанно и прочувствованно входила аверинцевская мысль. А в этот контекст (как и у Вяч. И. Иванова — позволим себе напрашивающуюся в данном случае аналогию) входило видение не только феноменологических особенностей, исторических судеб и конечного (ибо запредельного) Торжества Православия, но и «видение умопостигаемой Святой Руси»¹⁰, как и у митр. Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева)... или у Михаила Нестерова и Ильи Глазунова, если обратить свой взор к художникам. В целом же — благодаря сопряжению универсального с конкретным — Аверинцев разными гранями своей мысли близок как «христианскому экзистенциализму» Бердяева¹¹, так и той традиции *конкретного идеализма*, что в некоей умопостигаемой идее сближает русскую традицию религиозного идеализма с испанской (Унамуно, Ортега-и-Гассет; возможно, Субири), португальской (Пессоа, Тейшейра де Пашкуайш и философы саудаде) и итальянской (идущей во многом от Вико) традициями.

По непостижимому велению Промысла, Аверинцев родился в том самом роковом 1937 г., когда, среди прочего, вышла и краткая статья Трубецкого «Упадок творчества», призывавшая заменить официальный советский марксизм «другой идеей-правительницей»¹². Аверинцеву предстояло стать одним из главных деятелей на этой ниве.

Говоря о подчеркивании Аверинцевым глубинного, онтологического понимания Пасхи и пасхальной радости в византийском Православии, можно напомнить,

---

мира). С. 469–480, особ. с. 473 («В Великороссии же празднование Пасхи всегда оставалось главным праздничным днем в народной жизни»); с. 474: «Таким образом, на христианском Востоке носителями Православия стала община верных» (см. далее). И особенно см. цитату на с. 475: «Мы также определили сущность византийской религиозности как *стремление к преобразению мира через Воскресение* (курсив наш. — Д. М.)». См. также: Макаров Д. И. Триптих о Романе Якобсоне // Философский диалог. 2019. Вып. 2 (6). С. 88–89, 92; «Очевидно, что Пасха — это венец и вершина православного богослужебного года, доминирующая даже над Рождеством» (Averintsev S. Some constant characteristics... P. 226).

⁹ «Будучи православным верующим, однако ни в коей мере не являясь богословом, я не дерзну вновь затрагивать те возвышенные вопросы, что относятся к вероучению и хорошо известны всякому, но сконцентрируюсь на культурных различиях (православия и католицизма. — Д. М.)» (Averintsev S. Some constant characteristics... P. 216).

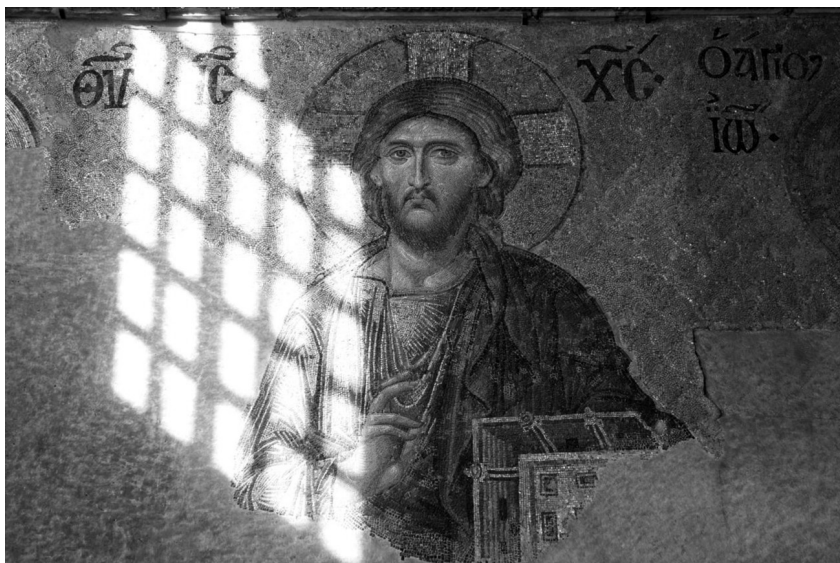
¹⁰ Аверинцев С. С. Вячеслав Иванов... С. 118.

¹¹ Ср. из многих работ, где употребляется такая характеристика: Slesinski R. The Eternal Feminine... P. 469.

¹² Трубецкой Н. С. Упадок творчества [1937] // *Его же*. История. Культура. Язык. С. 448. Ср. у Набокова: «...одаренный читатель — гражданин мира... Читатели рождаются свободными и должны свободными оставаться» (Набоков В. Писатели, цензура и читатели в России [1958] / Пер. с англ. А. Курт // *Его же*. Лекции по русской литературе / Пер. с англ. С. Антонова и др. СПб.: Азбука, 2021. (Большие книги. Non-Fiction). С. 42, 44).

Сергей Сергеевич Аверинцев

Деисус, фрагмент. Мозаика Святой Софии Константинопольской, созданная в память об освобождении Константинополя в 1261 г.

что и искусство в понимании символистов — не *μίμησις*, а *μεταμόρφωσις*¹³; это — и позиция Бердяева¹⁴. На данный подход к искусству (и особенно к иконописи, поэзии и церковной музыке) глубинным образом опирается и Сергей Сергеевич. О Роберт Слезинский пронизательно заключает, подготавливая тем самым необходимый ментальный фон и для понимания концепций Аверинцева: «В этой перспективе несложно уяснить себе, как два центральных момента христианского мировоззрения — воплощение и преображение — с легкостью сливаются в символистском замысле *жизнетворчества* (курсив автора. — Д. М.)»¹⁵.

Из этой большой идеи у Аверинцева вытекают и малые — например, заявленное им, по сути, оправдание *христианской политики* (как и у читавшегося и почитавшегося им Феодора Метохита, XIV в.¹⁶): внимание надо сосредотачивать на реальных положительных ценностях. «Да оградит нас Бог от призраков»¹⁷. Точно так же полутора столетиями ранее Томас Карлейль писал о лексикографе Сэмюэле Джонсоне, Р. Бернесе и Руссо: «Они были слишком великими людьми, чтобы жить нереальностями...»¹⁸

Эта черта — *видеть* главное — в полной мере относится и к самому Сергею Сергеевичу. Именно следованием высшим ценностям — Богу и Царствию Небесному —

¹³ Slesinski R. The Eternal Feminine... P. 472.

¹⁴ «Центральна в христианстве не идея оправдания, а идея преображения» (Бердяев Н. А. Философия свободного духа. Проблематика и апология христианства [1927–1928] // *Его же*. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. (Мыслители XX века). С. 121).

¹⁵ Slesinski R. The Eternal Feminine... P. 472.

¹⁶ Макаров Д. И. О гибридном антично-христианском обосновании политики в «Памятных заметках» Феодора Метохита (гл. 62–82) // *Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций: Архив конференции*. Вып. 3. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 21–23 сентября 2023 г.). С. 406–429.

¹⁷ Аверинцев С. С. Да оградит нас Бог от призраков // *Литературная газета*. 1991. 25 сентября; Гальцева Р. Из телефонных разговоров с С. Аверинцевым // Аверинцев и Мандельштам. Ст. и мат-лы / Ред.-сост. П. Нерлер, Д. Мамедова. М.: Изд-во РГГУ, 2011. (Записки Мандельштамовского общества, 17). С. 210.

¹⁸ Карлейль Т. Герои и героическое в истории / Пер. с англ. // *Его же*. Теперь и прежде / Сост., подгот. текста и прим. Р. К. Медведевой. М.: Республика, 1994. (Библиотека этической мысли). С. 144.

он и объяснял парадоксальную (в сопоставлении с исламской) «геополитику христианства»¹⁹, исходя из *полноты* христианского мироощущения и миропереживания. Не так — у крупнейшего немецкого византиниста XX в. Ханса-Георга Бека (1910–1999)²⁰. Развивая свой безочно-отстраненный («остраненный») взгляд на Византию и византийское Православие, Бек подчас читает лекции представителям византийского Православия — на тему того, *чего у них не было*. Так, он замечает по поводу гомилетики: «Византия не породила второго Златоуста»²¹.

Да, но она породила свв. Григория Нисского, Фотия, Симеона Нового Богослова, Григория Паламу — разве этого мало?? Перед Бекком словно бы маячит тевтонский призрак схоластики, дополненный представлением о том, что богослов, подобно ученому, должен все время что-то выдавать на-гора. Не так у Аверинцева: он вслед за Флоренским и др. говорит о том, *что в Византии все-таки было*:

«Традиционные законы Иконописи не позволяют [придавать облику Христа, Богородицы и праведников] ни сладости ренессансных Мадонн, ни поигрывающей мускулами дородности барочных Святых; однако уклонение от чувственного *не исключает человеческого Лица и человеческой Формы* в качестве центрального отображения *Божественного*, так что, несмотря на все видоизменения, привнесенные [в художественный процесс] аскетикой, сохраняются некоторые черты того отношения к искусству, которое было присуще Древней Греции — и в силу этого исключается полная ориентализация [иконы как таковой] (здесь и далее курсив в цитатах наш, если не оговорено иначе. — Д. М.)»²².

Напротив, согласно Беку:

«То самое *монофизитство* (курсив наш. — Д. М.), которое было запрещено и осуждено православно-имперским Собором в Халкидоне, оставалось, несмотря на это осуждение, мощной силой не только на Востоке и в Египте — им была пронизана и собственно *византийская религиозность, в которой человеческий Лик Христа резко отодвигается на задний план*, а на передний план гораздо более явственным образом выходит Божественный Пантократор. Равновесие между Божественной и человеческой природами во Христе — то, к чему стремился Халкидон — было в ней поставлено под угрозу»²³.

Иначе говоря, в этом «споре двух эстетик» сталкиваются два разных восприятия Византии, ее религиозности и искусства: как, с одной стороны, чего-то Богочеловеческого и прекрасного, а с другой — как возвышенно-устрашающего, не до конца преодолевшего в себе древние ориентальные черты. Поскольку вопрос этот — не только конкретно-исторический, но прежде всего мировоззренческий, постольку хочется заметить, что внутренняя и, по сути, изоморфная предмету позиция Аверинцева начинает выглядеть предпочтительнее, чем тот вид Византии, что в свое время открылся строгому взгляду Бека, стоявшего на позициях германоцентризма и предельной научной отчужденности от изучаемой реальности...

¹⁹ Термин С. С. Аверинцева; см.: *Гальцева Р.* Из телефонных разговоров с С. Аверинцевым. С. 212.

²⁰ О нем см., помимо некрологов: *Макаров Д. И.* 1) Антипаламизм в раннем творчестве Х.-Г. Бека: русские истоки и католические параллели. Ч. 1 // Библия и христианская древность. Сергиев Посад: Изд-во МДА, 2020. № 2 (6). С. 81–104; 2) То же. Ч. 2 // Библия и христианская древность. 2020. № 4 (8). С. 101–117.

²¹ *Beck H.-G.* Das byzantinische Jahrtausend. München: C. H. Beck, 1978. S. 286.

²² *Averintsev S.* Some constant characteristics... P. 221. Пояснения в квадратных скобках добавлены нами для связности русского текста.

²³ *Beck H.-G.* Theodoros Metochites. Die Krise des byzantinischen Weltbildes im 14. Jahrhundert. München: C. H. Beck, 1952. S. 138. Подробнее см.: *Макаров Д. И.* Антипаламизм... Ч. 2. С. 105–107 и далее.

Святая равноапостольная княгиня Ольга вступает в храм Святой Софии. Константинополь.
Худ. И. Г. Машков, 2001 г.

Однако познать — не значит заклеить. И у Бека встречаются очень меткие характеристики той атмосферы, в которой создавались горячо любимые, цитируемые и пропагандируемые Аверинцевым тексты византийской литургии — и, добавим, богослужения в целом. По словам немецкого ученого, византийские тексты о литургии создавались не в рационально, а в *эмоционально насыщенной атмосфере*²⁴. «В такой атмосфере легко осваивается рядовой православный христианин; при этом от его рассудка вовсе не требуется чего-то невозможного»²⁵.

Это суждение близко подходит к цитировавшемуся Аверинцевым соображению Флоренского об особом *вкусе подлинной реальности* как критерии Православия; по-видимому, что-то сходное в зрелые годы начало открываться и Беку. Он говорит об интимности икон, многообразии ритуалов, различии религиозного поведения, о надеждах, питавших умы и души византийцев, и присущей этим последним вере в чудо²⁶. Понимание веры византийцев в ее культурно-исторической данности у Бека и Аверинцева также различается. Согласно Беку, чудеса совершаются (в реконструируемом им мировосприятии византийцев) *вопреки* вере:

«Ибо там, где вера, не слишком много знающая о “*théologie savante*”²⁷, видит, что ей в ситуации сомнения или надежды бросают вызов, и притом вопреки всякой надежде, для среднего византийца и совершается чудо»²⁸.

²⁴ Beck H.-G. Das byzantinische Jahrtausend. S. 287.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid. S. 287–288. Правда, на S. 288 Бек излишне резко противопоставляет догматику и ритуал: «Чем прохладнее становится догматика, тем привлекательнее — многообразие ритуалов и обрядов». Под похолоданием догматики имеются в виду поздние догматические процессы, совершавшиеся уже после эпохи Вселенских Соборов; боюсь, такой взгляд на церковную историю поздней Византии не только не позволяет преодолеть бытующие о Восточнохристианской империи старые мифы, но, напротив, добавляет к ним новые.

²⁷ Ученом богословии (*фр.*).

²⁸ Ibid. S. 288.

Было бы слишком самонадеянно просто так, *motu proprio* опровергать высказанное маститым ученым суждение. Будучи уверенными в том, что *théologie savante* по своей сути не опровергает живую и горячую веру, сошлемся лишь на сияющую блеском очевидности формулу Аверинцева: «Крест Христов и есть Его победа»²⁹.

И это чудо соединяет все уровни веры, благочестия и религиозной жизни византийца — от школы провинциального грамматиста до высот боговидения на Горе Афон. Не меньшим чудом является и то, что, говоря словами Последования мученикам болгарским 813 г., души мучеников взлетают «на крыльях подвигов» и вселяются в небесные обитатели³⁰. Здесь также чудеса совпадают как с простой верой (каковая была, наверное, у самих мучеников), так и с ученой (присущей составителям Службы).

Взлетев, мученики воскресают — по образу Самого Христа. Все это и многое другое (мозаики, иконы, тексты Житий...), взятое в изначальной жизненной целостности и непотреженности, способствует выработке, формированию и углублению «православного вкуса к образу вселенной, сосредоточенному вокруг Пасхи»³¹.

Этой пасхальной радости, присущей византийцам — византийцу как таковому — не увидел Бек. Он замечает лишь, разделяя в своей концепции византийского богословия народный и ученый уровни:

«И чем формалистичнее и интеллектуалистичнее ведет себя богословие, тем более утешителен (для среднего византийца. — Д. М.) отход к этому миру богоугодных загадок (например, встречающихся в агиографии. — Д. М.) и возлагаемых на них упований»³².

Мы словно бы встречаемся с дыханием Сфинкса, перенесенным Беком на средневековые греческие реалии. Для немецкого ученого и мир византийской агиографии всего лишь расширяет границы воображения. Действительно, мир агиографии — это

«Причудливый, нередко питающий (душу. — Д. М.) мир, возбуждая [ее] и доводя до границ достоверного (*an die Grenzen des Glaubhaften stoßend*) — и оттого еще более достоверный!»³³

Таким образом, в качестве финального итога своего обзора византийского Православия Бек подходит к проблемам *границ воображаемого*, сужение которых в сторону расширения познаваемого, согласно Йоану-Петру Кулиану (1950–1991), во многом и обусловило всплеск новоевропейской науки в XVI–XVII вв.³⁴ Онтологическая радость, присущая единению верующих — ученых и простых людей, составлявших собой множество участников византийской пасхальной всенощной и литургии, осталась им во многом не понятой и не пережитой. Не так с Аверинцевым. В его лице

²⁹ Averintsev S. Some constant characteristics... P. 226.

³⁰ Follieri E., Dujčev I. Un' acolutia inedita per i martiri di Bulgaria dell' anno 813 // Byzantion. 1963. Vol. 33. Hommage à Bruno Lavagnini. P. 83.177–180; цит. p. 83.178.

³¹ Averintsev S. Some constant characteristics... P. 227.

³² Beck H.-G. Das byzantinische Jahrtausend. S. 288.

³³ Ibid. S. 289. Ср. слова рассказчика — монаха Феофила — из «Жития св. Макария Римлянина» (ВНГ 1004): «Восхотел я, возлюбленные, странствовать во вся лета живота моего, *доколе не увижу, где покоится небо...*» (Житие Макария Римского // Vassiliev A. Anecdota graeco-byzantina. Pars prior / Collegit, digessit, recensuit A. Vassiliev. M.: Sumptibus et typis Universitatis caesareae, 1893. С. 135–136, правый столбец).

³⁴ Кулиану Й. П. Эрос и магия в эпоху Возрождения. 1484. Изд. 2-е, испр. / Пер. с фр. под ред. М. М. Филалко. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019 [1-е изд. — Paris, 1984]. С. 349–350, 365 (о фантазийном характере культуры Возрождения), 382.

русская культура религиозной мысли и религиозно-феноменологического исследования византийского, сирийского, древнерусского и австро-немецкого материала (не говоря уже об остальном) находит не просто своего вдумчивого *истолкователя* и продолжателя, но и гениального *выразителя*.

Источники и литература

1. *Аверинцев С. С.* Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб.: Алетейя, 2017.
2. *Аверинцев С. С.* Да оградит нас Бог от призраков // Литературная газета. 1991. 25 сентября.
3. *Бердяев Н. А.* Философия свободного духа. Проблематика и апология христианства [1927–1928] // *Бердяев Н. А.* Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. (Мыслители XX века). С. 14–228.
4. *Гальцева Р.* Из телефонных разговоров с С. Аверинцевым // Аверинцев и Мандельштам. Статьи и материалы / Ред.-сост. П. Нерлер, Д. Мамедова. М.: Изд-во РГГУ, 2011. (Записки Мандельштамовского общества, 17). С. 206–217.
5. Житие Макария Римского [ВНГ 1004] // *Vassiliev A.* Anecdota graeco-byzantina. Pars prior / Collegit, digessit, recensuit A. Vassiliev. M.: Sumptibus et typis Universitatis caesariae, 1893. С. 135–164.
6. *Карлейль Т.* Герои и героическое в истории / Пер. с англ. // *Карлейль Т.* Теперь и прежде / Сост., подгот. текста и прим. Р. К. Медведевой. М.: Республика, 1994. (Библиотека этической мысли). С. 6–198.
7. *Кулиану Й. П.* Эрос и магия в эпоху Возрождения. 1484. Изд. 2-е, испр. / Пер. с фр. под ред. М. М. Фиалко. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019.
8. *Макаров Д. И.* Антипаламизм в раннем творчестве Х.-Г. Бека: русские истоки и католические параллели. Ч. 1 // Библия и христианская древность. Сергиев Посад: Изд-во МДА, 2020. № 2 (6). С. 81–104; Ч. 2 // Библия и христианская древность. 2020. № 4 (8). С. 101–117.
9. *Макаров Д. И.* О гибридном антично-христианском обосновании политики в «Памятных заметках» Феодора Метохита (гл. 62–82) // Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций: Архив конференции. Вып. 3. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 21–23 сентября 2023 г.). С. 406–429.
10. *Макаров Д. И.* Триптих о Романе Якобсоне // Философский полилог. 2019. Вып. 2 (6). С. 79–102.
11. *Набоков В.* Писатели, цензура и читатели в России / Пер. с англ. А. Курт // *Набоков В.* Лекции по русской литературе / Пер. с англ. С. Антонова и др. СПб.: Азбука, 2021. (Большие книги. Non-Fiction). С. 27–44.
12. *Трубецкой Н. С.* Упадок творчества // *Трубецкой Н. С.* История. Культура. Язык / Сост., подгот. текста и коммент. В. М. Живова. М.: Прогресс-Универс, 1995. (Филологи мира). С. 444–448.
13. *Трубецкой Н. С.* Vorlesungen über die altrussische Literatur. Einleitung // *Трубецкой Н. С.* История. Культура. Язык / Сост., подгот. текста и коммент. В. М. Живова. М.: Прогресс-Универс, 1995. (Филологи мира). С. 469–480.
14. *Averintsev S.* Some constant characteristics of Byzantine Orthodoxy // Byzantine Orthodoxies. Papers from the Thirty-sixth Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Durham, 23–25 March 2002 / Ed. A. Louth & A. Casiday. Bodmin, Cornwall: Ashgate, 2006. (Society for the Promotion of Byzantine Studies, Publications, 12.) P. 215–228.
15. *Beck H.-G.* Das byzantinische Jahrtausend. München: C. H. Beck, 1978.
16. *Beck H.-G.* Theodoros Metochites. Die Krise des byzantinischen Weltbildes im 14. Jahrhundert. München: C. H. Beck, 1952.
17. *Farruggia E. G., S. J.* Recensione di: *Averincev S.* Cose attuali, Cose eterne. La Russia d'oggi e la cultura europea / Trad. e note a cura di A. Vicini. Milano, 1989. (Quaderni di *L'altra Europa*) // ОСР. 1991. Vol. 57. P. 252–253.

18. *Follieri E., Dujčev I.* Un' acolutia inedita per i martiri di Bulgaria dell' anno 813 // *Byzantion*. 1963. Vol. 33. Hommage à Bruno Lavagnini. P. 71–106.
19. *S. Gregorii Nysseni. Contra fatum* // *S. Gregorii Nysseni. Opera dogmatica minora. Pars II* / Ed. J. K. Downing, J. A. McDonough, S. J., H. Hörner. Leiden; New York; København; Köln: Brill, 1987. P. 31–63.
20. *Slesinski R.* Review of: *Хоружий С. С. Диптих безмолвия. М., 1991* // *ОСР*. 1994. Vol. 60/1. P. 333–334.
21. *Slesinski R.* The Eternal Feminine, Androgyny, and the Meaning of Love in V. S. Solov'ev // *ОСР*. 2010. Vol. 76/2. P. 459–476.